

Павель Григор.—Что значить этотъ пасмурный видъ? Такъ ли встрѣчаютъ ласки отца?

Владиміръ.—Отгадайте, гдѣ я былъ.

Павель Григор.—У какогонибудь тебѣ подобнаго шалуна, гдѣ ты проигралъ свои деньги, или у какойнибудь прекрасной, которая огорчила тебя своимъ отказомъ. Какія другія приключенія могутъ беспокоить тебя? Кажется, я отгадалъ.

Владиміръ.—Я былъ тамъ, откуда веселье очень далеко; я видѣлъ одну женщину, слабую, больную, которая за давнишній проступокъ оставлена своимъ мужемъ и родными; она почти нищая; весь міръ смѣется надъ ней, и никто объ ней не заботится. О, батюшка! эта душа заслуживала прощенье и другую участь! Батюшка, я видѣлъ горькія слезы раскаянія; я молился вмѣстѣ съ нею; я обнималъ ея колѣни, я... я былъ у моей матери! Чего вамъ больнее?

Павель Григор.—Ты?..

Владиміръ.—О, если бы вы знали, если бы видѣли... Отецъ мой! вы не поняли эту нѣжную, божественную душу, или вы несправедливы, несправедливы! Я повторяю это передъ цѣлымъ свѣтомъ и такъ громко, что ангелы услышатъ и ужаснутся чело-вѣческой жестокости...

Павель Григор. (его лицо пылаетъ).—Ты смѣешь... меня обвинять, неблагодар...

Владиміръ.—Нѣтъ! вы мнѣ простите! я себя не помню... Но посудите сами: какъ могъ я остаться хладнокровнымъ? Я согласенъ, она васъ оскорбила, непростительно оскорбила; но что она мнѣ сдѣлала? На ея колѣняхъ протекли первые годы моего младенчества; ея имя вмѣстѣ съ вашимъ было первою моею рѣчью; ея ласки облегчали мои первые болѣзни... И теперь, когда она въ нищетѣ, безъ друзей, пріѣхала сюда, могъ ли я не упасть къ ея ногамъ?.. Батюшка! она хочетъ васъ видѣть... Я умоляю... Если мое счастье для васъ что-нибудь значить... Одна ея чистая слеза смоетъ черное подозрѣніе съ вашего сердца и удалитъ предразсудки!..

Павель Григор.—Слушай, дерзкій! я на нее не сердитъ, но не хочу, не долженъ болѣе съ нею видѣться!.. Что скажутъ въ свѣтъ?..

Владиміръ (кусая губы).—Что скажутъ въ свѣтъ!

Павель Григор.—И ты очень дурно сдѣлалъ, сынъ мой, что не сказалъ мнѣ, когда поѣхалъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ; я бы далъ тебѣ препорученье...

Владиміръ.—Которое бы убило послѣднюю ея надежду—не такъ ли?

Павель Григор.—Да, да! она еще недо-

вольно наказана.. эта сирена, эта скверная женщина...

Владиміръ.—Сна моя мать.

Павель Григор.—Если опять ее увидишь, то посовѣтуй ей не являться ко мнѣ и не стараться выпросить прощенья, чтобы мнѣ и ей не было еще стыднѣе встрѣтиться, чѣмъ было разставаться.

Владиміръ.—Отецъ мой! я не сотворю для такихъ препорученій...

Павель Григор. (съ холодной улыбкой).—Довольно объ этомъ. Кто изъ насъ правъ или виноватъ—не тебѣ судить. Черезъ часъ приходи ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ я тебѣ покажу недавно присланныя бумаги, которыя касаются до тебя; также тебѣ дамъ я прочесть письмо отъ графа, на счетъ опредѣленія въ службу. И еще прошу тебя не говорить мнѣ больше ничего о своей матери... я прошу, когда могу приказывать! (Уходитъ).

Владиміръ (долго смотритъ ему вслѣдъ).—Какъ радъ онъ, что имѣетъ право мнѣ приказывать! Боже! никогда Тебѣ не докучалъ я лишними мольбами—теперь прошу: прекрати эту распрю! Смѣшны для меня люди: ссорятся изъ пустяковъ и отлагаютъ часъ примиренья, какъ будто это вещь, которую всегда успѣютъ сдѣлать!.. Нѣтъ, вижу, должно быть жестокимы, чтобы жить съ людьми. Они думаютъ, что я созданъ для удовольствованья ихъ прихотей, что я—средство для достиженія ихъ глупыхъ цѣлей! Никто меня не понимаетъ, никто не умѣетъ обходиться съ этимъ сердцемъ, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно.

(Входитъ Бѣлинскій, разряженный).

Бѣлинскій.—А! здравствуй, Арсенинъ! Здравствуй, любезный другъ! Что такъ задумчивъ? Для чего тому считать звѣзды, кто можетъ считать звонкую монету? Погляди на меня!.. Блюсь объ закладъ, я отгадалъ, объ чемъ ты думалъ.

Владиміръ.—Руку! (Жметъ ему руку).

Бѣлинскій.—Ты думалъ о томъ, какъ заставить женщину любить или заставить ее признаться въ томъ, что она притворялась. То и другое очень мудрено; однако я скорѣй возьмусь сдѣлать первое, нежели послѣднее, потому что...

Владиміръ.—О чемъ ты болтаешь тутъ?

Бѣлинскій.—О чемъ? Онъ поглупѣлъ или оглохъ!.. Я говорилъ о царѣ Соломонѣ, который воспѣвалъ умѣренность и совѣтовалъ, поститься, а самъ былъ не изъ послѣднихъ скоромниковъ... Ха! ха! ха!.. Ты вѣрно ждалъ, чтобы твоя любезная прилетѣла къ тебѣ на крыльяхъ зефира!.. Нѣтъ, потрудишься-ка самъ слетать... Другъ мой! кто разберетъ женщину?.. Въ ту минуту, когда ты думаешь...